

84(2-632.1)/6
У435

БОРИС УКАЧИН

РОЖДЕННЫЕ ВЕСНОЙ

1435

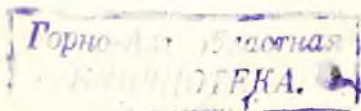
БОРИС УКАЧИН

2-691291-2
РОЖДЕННЫЕ
ВЕСНОЙ

СТИХИ
И ПОЭМЫ

ПЕРЕВОД С АЛТАЙСКОГО
Б. СЛУЦКОГО и И. ФОНЯКОВА

25

БАРНАУЛ . 1969

Р 2
У — 43

Художник Б. ЛУПАЧЕВ

5-УБУ-РВ

«Придет время — наши дети до Москвы белокаменной успеют долететь, пока доишь коро-
ву», — говорили раньше наши старики. Они меч-
тали о нашем быстрокрылом и высоком времени.

Эта светлая мечта моего народа сбылась. Сви-
детельство тому — и моя жизнь. За пять лет
учебы в Литературном институте им. А. М. Горь-
кого, мне не один раз приходилось летать до
«Москвы белокаменной» и обратно, в Горный
Алтай.

Горный Алтай... Там, во глубине поднебесных
гор, тихо светится мое селение Каярлык. Эту го-
ристую землю, колыбель моего нелегкого дет-
ства, известный сибирский писатель Афанасий
Лазаревич Коптелов назвал «долиной поэтов».
Там, в Каярлыке, родился ныне известный в Гор-
ном Алтае поэт Аржан Адаров, в устье этой до-
лины вырос другой поэт, мой друг Эркемен
Палкин. Все мы трое — сыновья колхозных па-
стухов и чабанов.

Прежде чем стать поэтом, членом Союза Пи-
сателей СССР, я был крестьянином, как и мои
родители. Люблю коней и горы.

Кони, кони алтайских, отеческих гор!

Я с младенческих дней вам товарищем был,

Побродив и поездив по свету: с тех пор

Много видел я, кони, но вас не забыл.

Там, в родном Каярлыке, нес меня, мальчиш-

ку, неоседланный конь, там же в колхозе позднее я работал табунщиком.

Читая биографии и знакомясь лично с писателями и поэтами, я узнаю, что большинство из них в детстве много читали, дружили с «умными книгами». Мне же в моем детстве больше, чем с книгами, пришлось дружить с жеребятами и ягнятами.

Писать стихи начал в школьном возрасте. Я учился в седьмом классе областной национальной средней школы и жил в интернате, когда мой товарищ по парте (ныне преподаватель литературы) украдкой показал мне однажды тетрадь со своими стихами. Мне памятен этот день каким-то особым ощущением. Что-то шевельнулось в моей душе. Начал писать стихи и посещать школьный литературный кружок, где уже были свои «литературные звезды».

После службы в рядах Советской Армии, возвратившись домой, в 1960 году выпустил свою первую книжку стихов «Дороги». Работал литературным сотрудником областной газеты «Алтайдын Чолмоны», позднее корреспондентом радио; переводил на родной язык произведения М. Ю. Лермонтова, К. И. Чуковского, Ч. А. Айтматова, И. Ерошина, С. Михалкова и других.

Стихи мои печатались в газетах «Правда», «Советская Россия», «Литературная Россия», в журнале «Дружба народов», «Знамя», «Огонек», «Сибирские огни». За это время вышло семь моих поэтических сборников на алтайском и русском языках.

Несколько слов об этом сборнике. Поэт в какой-то мере похож на альпиниста, стремящегося покорить труднодоступную снежную вершину, чтобы оттуда увидеть всю землю. Альпинисты,

вероятно, почти всегда осуществляют свою мечту, нам же, поэтам, это удастся далеко не всегда. В работе каждого поэта, по характеру и возможностям его таланта, есть свои вершины, и идут к ним разными путями. Есть ли в моей работе такая вершина — не знаю, не мне судить. Но вот что мне хочется сказать: алтайская поэзия вышла из колыбели устного народного творчества. Богатые фольклорные истоки и теперь питают алтайский стих, дают ему эмоциональные окраски, своеобразный речевой строй. Но мудрая наивность народных сказаний на первых порах часто превращалась у наших поэтов в наивно упрощенный подход к явлениям жизни. Во многих стихах поэтов тридцатых годов обязательным было сопоставление прошлого и настоящего. Некоторые наши поэты жили, подчас, не на земле, где живет и трудится народ, а поднимались в подоблачную высь и оттуда подробно перечисляли все то, что видели на полях и бесчисленных тропинках нашего обширного края, и, примерно так заканчивалось то или иное стихотворение:

Э-э-эй! Мой солнечный Алтай!..

За последние годы характер алтайского стиха изменился. Появились по-настоящему современные, глубокие стихи. Сегодняшние алтайские поэты, мне представляется, все дальше уходят от более или менее примитивных изобразительных средств поэтов 30-х годов. Современность и прежде всего, многовековой опыт русской поэзии научили и продолжают учить нас болеть болью и радоваться радостью своего народа и нашего сегодня.

В книгу «Рожденные весной» включены стихи последних двух лет. В них я стремился показать характер современного алтайца, будь то пастух

или интеллигент. Мои вещи написаны не только рифмованными, но часто и вольными стихами, языком стихотворного рассказа, иногда даже очерка, есть и белые стихи. Не удивительно поэтому, что эту книгу на русский язык перевели два очень разных поэта — Борис Слуцкий и Илья Фоняков. Хочется думать, что взыскательный читатель найдет в ней образную систему оригинала, ту же инструментовку стиха, и, наконец, внутренний мир автора.

Сейчас мне тридцать два года. Думаю, что это всего лишь меньшая половина моей жизни. Все остальное — впереди.

Борис УКАЧИН.
г. Горно-Алтайск, 1969 г.

МОЯ РОДИНА

Откуда я родом?

Из весны.

Поля распарены, утомлены.

Пар валит со спины
земли.

Каждый росток, корешок,
как жила — кровь,
набирает сок.

Набрали — и вверх пошли.

Слабенькая — едва жива — трава
пробьется на белый свет.

Ее потрясет небес синева.

Ей солнце пошлет привет.

Кудрявые ягнята,
длинноногие жеребята

по-своему тоже очень рады:
делают первые в жизни шаги.

Можно всегда заржать: «Помоги!»
или проблеять: «Помоги!»

Озабоченные матери рядом,
на сочной траве под солнечным взглядом.

Солнце светит.

Травы сочны.

Откуда я родом?

Из весны.

Нет,

я все-таки родом из лета.

Лес благоденствует, .

люди довольны,

и скоту на джейлау привольно.

Овца белеет.

Гора зеленеет.

Конь ржет.

Солнце жжет.

А люди поют песни.

На дальних стоянках — запах молока

и чуть заметный дух кизяка.

Огромные чаши с айраном¹ стоят,

щемящие запахи трав таят.

Конечно,

моя родина — это

такое вот лето!..

И все-таки родом я из осени.

Навьюченные грузовики

медленным цугом

движутся друг за другом.

Тракт, как пояс,

стянул хребты.

¹ Айран — квашеное молоко для напитка.

По кольцам тракта
вдоль высоты
машины
с утра до утра
сигналят.

Отдыха
шоферы
не знают.

Уже в осенних ливнях
тоскуют о лете лога,
и кое-где в долинах
чернеют стога.
Пастухи, оседлав лошадей,
посадив
за спину

своих детей,
спускаются с гор,
переваливают перевалы,
белопенные реки
переходят вброд.

На новых кошмах возле юрт
сидит деревенских старушек гурт;
проводяют журавлиный косяк,
слабыми руками машут вслед,
кричат:

«Элем-селем!»,
«Элем-селем!»

И обсуждают так и сяк,
что бабьего лета больше нет,

прошло совсем,
ушло совсем,
осталось за дальним поворотом.
Конечно,
я из осени родом!

Нет, только зима, она одна —
родина.

Травы спят.
Необычайно сини небеса,
а горы белы с вершин до пят.
Горы белы,
а поля белей.

Следы зверей видны вдалеке:
сказки зверей,
ногами зверей
написанные на зверином языке.
С кручи вниз мимо меня
мчится лыжня.

Куда, интересно, мчится она?
У белой горы
белая спина.

На ней растянулась тишина
и заснула.

Если закашляюсь,
если чихну, —
обязательно вспугну тишину.
Но пока она висит на ветвях,
в снегах ее жилье.

Слышишь ее вздох,
ее шорох,
звяк,
неслышимость ее.
Даже выстрел ее не разбудит,
не вытащит из-под сна:
кажется,

 была, есть и будет
одна тишина.
Только с кручи вниз
 мимо меня

летит лыжня.
А рядом — вторая лыжня.
Лети же и скорость набирай.
Только зима — мой родимый край!

Моя родина — мои шаги
от зимы до зимы,
от весны до весны.
Моя родина — мои стихи.
Читайте!
Вот они.

РОЖДЕННЫЕ ВЕСНОЙ

В сторону анкеты!

Суть — в одной
Истине, чей свет нам драгоценен:
Все, друзья мы родились весной —
Той весной, когда родился Ленин.
... Волга билась в берег. Вся дрожа,
На ветру

капель роняла ветка.

Русь плыла, как тяжелая баржа,
Сквозь туман трагического века.
А в долинах, где Катунь-река
Льется, вся от неба голубая,
Умирало счастье бедняка,
Как цветы под сапогами бая.
Старый мир бесправия и зла,
Смог ли ты почувствовать глубоко,
Что в тот день

через тебя легла

Трещина,

чуть зримая до срока?
Пролегла средь уличных торцов,

Потянулась к тюрьмам и
кордонам,
Тронула фундаменты дворцов,
Снизу вверх взбежала по
колоннам...

Дед мой, живший от столиц вдали,
Гнувший спину, в кровь стиравший руки,
Знал ли ты, что в день в тот обрели
Счастье

неродившиеся внуки?
Будоража старое житье,
Паводком врываясь на просторы,
Шла весна —
и первый гром ее
Грянул с борта
крейсера «Авроры»...

В сторону анкеты!
Суть — в одной
Истине, доказанной на деле:
Все, друзья, мы родились весной,
В том,
бессмертном
ленинском
апреле!..

ДОРОГА И МЕЧТА

Куда бы ни шел, в какие
Меня ни влекло места—
Всегда впереди дорога,
Всегда впереди мечта!

Всегда впереди дорога —
Извилиста ли, пряма,
До синего горизонта,
До рощицы, до холма.

Но там, за холмом пологим,
За желтым вихром куста,
Опять впереди дорога,
Опять впереди — мечта.

А я все тянулся в дали,
Раскидывая умом:
А что там за горизонтом,
За рощицей, за холмом?

Но сколько бы ни старался,
Шаги торопя спроста, —

Была впереди дорога,
Была впереди мечта.

И все ж до сих пор надеюсь
Желанное обрести:
Постигнуть свой век. И время
Хоть раз обогнать в пути!

Но, может быть, так и надо,
И песня бессмертна та:
Всегда впереди дорога,
Всегда впереди мечта!

САНИ

Трещит мороз, скрипят снега,
звонящим ветром ночь замело.
Люди починают стога.
Саням от сена — ох! — тяжело.

В теплой кошаре спит овца.
Ей снится сон про корма.
Поэтому сани идут без конца,
как ни скрипит зима.
Подковы звенят, стучат, гремят
по льду. Снега все белей.
Сена сладостный аромат
вдыхают ноздри полей.

Вот в такой морозный день
на снежной целине
далеко слышны голоса
в безлюдной тишине.
Кто-то на передних санях
песню затянул.
Звон высоких синих небес
к этой песне примкнул.

Сверкающий след вдоль зимы лежит.
Луна по санному следу бежит.
Санний поезд снега ворошит,
шурша,
подъем берет,
и вместе с ним моя душа
спешит вперед.

651291

СЛЕПОЙ ПОЭТ

Запрокинув лицо, без пальто, налегке,
По бульвару столичному тихо и строго
Он проходит —

и черная палка в руке,
Как фонарик,
ему освещает дорогу.

Мы глядим ему вслед.
Мы глядим и — молчим.
Так с рожденья
без света

живет он на свете.
Не видал он родных материнских морщин,
Солнца, неба
И собственных строчек в газете.
Но стремительной жизни зовут голоса —
И на них откликается сердце.

И резче
Прорезаются
в кончиках пальцев
глаза,

И становятся видимы люди и вещи.
Видят клейкий листочек на ветке сосны,

Видят старого клена морщинистый панцирь,
Видят нежную руку любимой жены
Эти чуткие пальцы, волшебные пальцы.
Кто придумал, что звезды ему не горят?
Он их чувствует кожей!

Без ноток фальшивых

Набежавшие ветры ему говорят
О цветках, магазинах, дорогах, машинах.
Он не станет слезу проливать над собой,
У него, человека, решительный нрав:
Разругавшись однажды с неправою судьбой,
Больше с ней не желает иметь разговор!
Черной тряпкой глаза повязав поутру, —
Захотела смирить человека?

Не выйдет!

Зрячий сердцем, поэт не приемлет игру
В эти подлые жмурки!

Он хочет — и видит!

О, взгляните же в это лицо, наконец,
Осторожные люди, на чувства скупые:
Если видеть, как зрячий, умеет слепец —
Стыдно зрячим ходить по земле, как слепые.
Вот смотрите сюда: без пальто, налегке,
По бульвару столичному

тихо и строго

Он проходит —

и черная палка в руке,
Как фонарик, ему освещает дорогу...

СЛЕЗЫ

Ты знаешь, что разные слезы бывают..
Бывает —
Они, как свинец, убивают;
бывает —
Как дождь в раскаленные дни,
Надежду и жизнь
Возвращают они.
Ты видел, товарищ, как плачут
мужчины?

Их слезы — тяжелые слезы.
Морщины
От них на щеках остаются навек,
Как русла бесплодные высохших рек.
Ты знаешь, что разные слезы бывают.
И разно они
На глаза наплывают:
Темны, как измена,
Светлы, как лучи,
Как смерть, холодны,
Как любовь, горячи.
Сумел бы немало про них рассказать я!
Нежней, чем объятье,

Черней, чем проклятье,
Бывают они.
И неясен ответ:
Как все-таки —
Верить слезам или нет?
Но, может, важнее всего для поэта:
Людей повидавши,
Объехав полсвета,
Под кровом, что памятен с детской
поры,
В слезе материнской
Увидеть
Миры!

ВОЛОЧАЕВСКИМ ПАРТИЗАНАМ

Есть в Волочаевке холмик,
 маленький, но великий.
Там спят бессмертные люди —
 прославленные стократ.
Поднявшие красное знамя
 на партизанской пике,
Уставшие от походов,
 на вечном привале —

спят.

Стремительные, как время,
подвластные расписанию,
Здесь поезда останавливаются
ровно на пять минут.
А мне остановка эта
невольно кажется данью
Памяти вашей светлой,
герои, спящие тут!
Наследники вашей правды,
наследники вашей силы, —
За все, что вы совершили,
к вам благодарность храня, —
Мы каждый день убираем
простую вашу могилу

Цветами нашего солнца,
 цветами нашего дня.
Маленький, но великий
 холмик встал на могиле...
Спите, борцы! за счастье,
 за правую нашу власть!
Победы не увидавшие,
 вы все-таки победили,
И в каждой победе нашей
 есть ваша по праву часть.
Товарищи партизаны!
 Гудком растревожив дали,
Везет на восток новоселов
 состав из самой Москвы.
Молодые сердцами,
 молодые годами,
Они — предложенье ваше.
 Для них образцами
— вы!
Товарищи партизаны!
 Над вами летит, блистая,
Запущенный нами спутник
 в холодной межзвездной мгле.
И тихо колосья мира
 колышутся, вырастая
На политой вашей кровью,
 родной навеки земле.
Товарищи партизаны!
Вы слышите поступь славы?

Звучит солдатская песня,
и я со всеми пою.
Держа на ваше бессмертье
равнение по уставу,
Бойцы эскадрильи нашей
шагают в пешем строю.
Товарищи партизаны!
Если я не сумею
Стать продолженьем вашим —
плохой из меня солдат.
Значит, моим товарищам
будет в пути труднее.
Значит, моя эскадрилья
сделает шаг назад.
Хранить высокую верность
сердце вам обещает
В строю и в труде, иначе —
пускай сожжет меня стыд,
Пусть сын меня презирает,
пусть мать меня не прощает.
А если мать не простила —
Родина не простит!

Я ЖДУ УЛЕТЕВШЕГО БЕЛОГО ЛЕБЕДЯ

Жеребцы на черте.

Одномастные. Без пятна.

В напряженье орлином.

То касаясь, то не касаясь земли,

вытанцовывают, легки,

И на солнце блестят,

будто смазанные бриолином.

Ждут начала байги.*

Словно стрелы, их выстрел сорвал.

Он гремит,

И они полетели,

облака из ноздрей выпуская

И звезду за звездою

ударом копыт

Из камней высекая.

Я догнал их глазами.

Вослед им смотрю.

А в груди

Сердце юное

в такт копытному стуку

колотится.

* Б а й г а — скачка.

В мыслях я вместе с ними,
лечу впереди, впереди,

И парит за спиной
огнекрылая конница.

За четверкою черных лошадей

Виджу: четверо белых лебедей

Пролетают на небосклоне.

За четверкою лошадей скачу,

За четверкою лебедей лечу,

Что за лебеди!

Что за кони!

Не четыре лебедя в облаках,

А четыре всадника

ветер сбивают,

И белей не бывает белых рубах,

Лебединой рубах

не бывает.

Далеко-далеко

они ушли

К горизонту,

где небо коснулось земли,

Черные кони,

как черные грачи,

и потом почти как черные точки.

А белые лебеди,

как снежинки почти,

как маленькие белые комочки.

Вдруг, как будто черный враг

выстрелил из-за угла и попал.

Упал один черный грач —

 черный конь упал.

Что случилось с тобою? Где ты, мой брат?

Только что в ушах твоих ветер свистел,

Только что сам черт тебе был не брат —

Из седла вылетел,

 далеко отлетел.

Далеко отлетел

 и свое отлетал.

Черный конь над тобою встал,

Землю нюхает,

 фыркает, ржет над тобой,

Над тобой, белым лебедем,

 бороздившим небосклон голубой.

Как шатается небо,

 из меркнущих глаз ускользал,

Белый свет

 из тебя вытекает

 со скупыми твоими слезами.

Все мне чудится:

ты не остался

 на черной земле,

 на черной траве,

А крылами взмахнув,

 белым лебедем,

 белым лебедем

 исчез в синеве.

Белый лебедь,

 шестнадцать в тот год тебе было, когда

Приключилась беда,
И шестнадцать прошло,
и, не веря в беду,

До сих пор тебя жду,
белый лебедь,
белый лебедь.

Каждый год на Алтай
белоснежные стаи летят,
белый лебедь,
белый лебедь,

Так когда же вернешься и ты,
мой ровесник и брат,
белый лебедь,
белый лебедь.

Когда со мной ты был, мой друг,
Так реки весело звенели,
И горы так светло синели...
Но вот уехал ты, мой друг,
И мнится мне, что реки — плачут,
И горы хмурые маячат,
Как будто грусть, как я, не прячут —
Когда уехал ты, мой друг...

ЅВЕТИ!

Эту ночь я проспал
 высоко в облаках.
Мое ложе — гора.
Грудь мою
 переполнили
ветры тайги. До утра,
до утра
 шелестела трава о себе
и деревья рассказывали о себе,
о звериных и птичьих делах.
До утра
 сказки сказывались,
 до утра,
эту сказку нигде никогда не слыхала еще детвора.
Где-то рядом мой конь
 до утра хрумкал травы свои.
И уздечка его
 мне отделкой напомнила
 спинку змеи.
Выли волки в округе,
 но я беспечно заснул,
Потому что великие горы
 не снимали всю ночь караул.

Никогда я так долго не спал
и так сладко не спал.
Никогда таким легким себя я не знал,
таким бодрым не знал.
Голубой парус неба
раздулся во всю широту.
Я прошелся, размялся,
позвонки ломая хребту
Подо мною внизу
далеко-далеко от меня
Юным небом умылись
молоденькие зеленыя.
По логам и оврагам,
а их без числа на Алтае,
Пробирались бессчетные реки Алтая,
шумя и болтая,
Шумным стадом спускались,
синели, как вены.
В этот миг возросли мои силы
внезапно, необыкновенно.
Захотелось мне так
рассмеяться,
расхохотаться,
чтоб гора за горою
качнулись
и стали шататься.
До конца
в ликованьи
я бы стоял на своем,

Чтобы горные реки
 ввысь брызнули
 светлым дождем.

Даже солнце,
 зерна счастья
 посеявшее для меня,
показалось мне птицей
 очень маленькой,
 слепленной из огня.

И словами поэта
 я крикнул ему,
 что есть силы:
Бейся красное сердце мое,
 свети огневое светило!

Слышу топот белого конька:
Скачет, мчится
 колышка вокруг.
Крыльями сшибая облака,
Журавли кричат,
Летят на юг.
Конь услышал журавлиный крик
И остановил свой бег на миг.
Может, вспомнил косяки в горах
И травы не рвет,
Грустит о них?
Почему он замедляет бег?
Почему он ржет, когда вдали
Крыльями замашут журавли?
Может, он грустит, как человек?
Слышу топот белого конька:
Скачет, мчится, травы шевеля.
Под его копытами, легка,
Вкруг оси вращается земля.
Прежде чем с кола сорвется конь —
Журавли далеко улетят.
Прежде чем земля сойдет с оси —
Далеко уйдет наш род людской.

Останавливает конь свой бег
И не кружится вокруг кола:
До него,
До гор,
До дол,
До всех
Музыка осенняя дошла.
Тайна осени,
Ее напев,
Музыка осенняя дошла.
Останавливается, присмирив,
А потом — опять вокруг кола
Белый конь. —
Над нами журавли
Боль свою несут, роняют крик.
То ли хочет с ними улететь?
То ли просто провожает их?

ГРОЗА НАД ДАЛЕКОЙ СТОЯНКОЙ

Бесконечный дождь
 льет, льет,
 льет и льет.

И позавчера
 и вчера он лил —
 и сегодня льет,
 льет, не устает,
 льет и льет.

Над стоянкой небо
 тихое какое-то,
 серое какое-то.

А над юртой дым,
 тоже серый,
 потихоньку тянется,
 а потом теряется
 в сером небе.

Тихий стон грозы
 тянется к земле
 из глубин небесных.

Под мокрыми деревьями
 мокрые коровы.
 Жалко их, болезных.

Дождь шуршит,
дождь шелестит,
листья задевая,
травы обмывая.
В юрте на кровати
маленькая девочка
плачет и мечется
не переставая.
Лицо у нее красное.
Огонь в очаге
красный.
Все кругом красное.
— Мама, мама! —
плачет девочка.
Больно ей, страшно ей.
Мать этой девочки —
моя сестра —
места себе не находит с утра.
То встанет, то сядет,
то из юрты выходит:
— Почему врач не едет?
На месте минутки не посидит,
все в сторону перевала глядит —
оттуда
из-за тумана
вот-вот должны показаться
верховые.
У девочки — испуганные глаза:
на землю обрушивается гроза.

Гроза стонет
стоном долгим.
Девочка стонет
голосом жалким.
— В целом становье нет врача, —
ворчит сестра.
— Почему ты не учился на врача, —
кричит на меня с утра.
Осенняя дорога нелегка.
Гонец, ускакавший за врачом,
со вчерашнего дня не возвращается.
Нависшие над юртой облака —
им, конечно, все нипочем —
сыплют, сыплют дождь и качаются.
Во дворе корова мычит,
в небе грома кочуют,
а дворовая собака молчит,
потому что врача не чует.
Тихо,
только в траве и листьях
слышно
шуршанье дождя.
Сестра растерялась.
То она дочку покачает,
То — на постельку положит,
а дождь свою песню — не кончает,
а девочка больше кричать — не может.
В хмурых горах
над стоянкой далекой,

такой одинокой, —
снова и снова
стонет и стонет
небо, покрытое тучами,
снова гремит громами над кручами
над юртой,
где моя сестра и ее дочка.

У КОЛЫБЕЛИ СЫНА

Мальчик, сын мой, ты знаешь
как быть человеком не просто?
Ты лежишь в колыбели алтайской из нежной
бересты,

Над тобой небеса идиллически заголубели...
Но еще покачаешься ты и в иной колыбели!
Жизнь — я знаю, мой мальчик! —
пуступит с тобой, как со мною:
Раскачает—

от гор до морей,

от мороза до зноя,

Испытает надежность упрямого сердца и рук.

— Кто ты? — спросит она.

И кому-то ответишь ты: — Друг!

— Кто ты? — спросит она. —

И кому-то ответишь ты: — Враг!

Ты пойдешь на охоту —

нашлет она холод и мрак,

Изматает,

в трех соснах закружит,

оставит без пищи—

И внезапно блеснет золотым огоньком

в темнотице.

И тропинку положит к ногам.
И, на диво щедра,
Крепкой дружбой мужскою тебя одарит
у костра!

Это жизнь — все она! —
соблюдая закон поколений,
У могилы отцовской поставит тебя на колени.
Знаю: трудно. И все ж заклинаю всей
силой любви:

Сын мой, мальчик, меня обязательно
переживи!
Пусть в потомках стократно разрез моих
глаз повторится!

Пусть бессмертная жизнь, как великое чудо,
творится!

А каким языкам тебя, мальчик, научит она!
Есть приятный и легкий язык
Молодого Вина,
И земной, не стареющий, вечный язык
Молока,
И, конечно же, Хлеба — священнее нет
языка!

Обучайся, мой мальчик! Но помни, что
с давних веков
Посвист пуль — это тоже один из ее языков,
И еще не забыт он, язык тот недобрый,
доныне.

Часто Жизнь пахнет Смертью не только
в безводной пустыне.

Видишь — стелется дым от пожаров по черной
земле,

Язычки синеватого пламени пляшут в золе.

Жизнь, бывает, обманет и ложью твой
путь затуманит,

Но и правдой жестокой не меньше
по-своему ранит.

Чтоб тебя никакая беда одолеть не смогла,

Нужно жить человеком,
добро отделяя от зла.

Это трудное дело. Не всем по плечу
и по росту.

Но ведь я говорил же, что быть Человеком —
не просто.

На прекрасной земле

в наш нелегкий, ответственный век

Важно быть Человеком.

Будь счастлив, мой сын, Человек!

Годы долгие дома родимого я не видал,
Но разбужено сонное сердце мое по весне.
Поезда отбывают в вечерний закат или в дымную
даль.

За собою зовут.

Их гудки отдаются тревогой и болью во мне.
Надоело мне слушать как, монотонен и сух,
Вторит эхом асфальт
девичьему каблуку.
Я хочу услышать, как поет под кукушкою сук
И гора зеленеет,
Леса зеленеют,
Алтай зеленеет от лесного «ку-ку».
Добрым пахарем вновь мне хотелось бы стать—
На рассвете по пашне шагал бы с прохладой в
груди—
Или птицей, безвестной, но не устающей
свистать,

На тончайшей из веток,
лесной тишины посреди.
И когда сквозь толпу в городское ущелье иду
И дома, словно скалы, теснятся,
мрачны и тихи,

Я кажусь себе мальчиком
в девятьсот-далеком году.

Погрузив свою кладь,
Позабыв меня взять,
На джейлау ушли пастухи.
Слишком долго я не был в местах, где родился
и рос.

Но табунными гулами земли гудят
и заржала весна,
И зеленая травка восстала из сна,
И, проклюнуз асфальт,
задает мне вопрос:

— Ты откуда?

Послушай, откуда же ты? —

Поезда отбывают. Трясутся под ними мосты.

МЫЧИТ БЕЛАЯ КОРОВА

Слышу мычанье —
год забытый
шевелится в моем теле.
Ползут ко мне с зеленых джейлау
Тягучие песни старухи Янчи.
... Белая корова, да, белая корова
тогда гремела над всем Алтаем.
У нее умер белый теленок.
Белое молоко струило вымя.
Несчастливая корова рыдала.
Старуха Янчи сделала чучело,
положила перед коровой,
стояла молча и смотрела.
Белая корова понюхала чучело
и начала лизать и лелеять
белое чучело, как живое.
Старуха Янчи подсела к корове
и запела.
Струя песни густой, тягучей
ударила в землю.
(Может быть, старуха хотела
смягчить горе коровы.

Может быть, она .вливала
свое горе —
откуда понять мне, мальчишке?)
Когда мычала белая корова,
черное горе рычало над миром —
такое тяжелое, что согнулись
плечи земли под этим грузом.
Люди говорили,
что сыновья старухи
далеко-далеко, в какой-то «Войне»,
кровавом краю.
А где этот край, —
откуда понять мне, мальчишке?
Песню, похожую на рыданье,
запевает старуха,
только сядет к своей корове.
Мычит белая, белая корова,
а красный, красный закат вечерний
дрожит, качается от мычанья.
«Если сыны мои будут живы, —
запевает старуха, —
будущей весной они вернутся,
когда золотыми голосами
кукушки запоют над весной».
...Много раз прилетали кукушки
и на ветвях качались.
Много раз уходило лето.
Но из кровавой страны «Война»
не возвратились сыновья старухи...

Слышу мычание — и год забытый
шевелится в моем теле,
и давние песни старухи
проплывают сквозь долгие годы,
звонят печально и горько
и до меня доплывают.

ЖЕНЩИНА ЖДЕТ РЕБЕНКА

Земля широка, земля зелена,
Над разнотравьем и разноцветьем
Дремлет отяжелевшее лето,
Бьет в ноздри
Запахом трав, родным и чудным.

Расстелив узоры кошмы близ юрты,
Сидела молодая пастушка,
Что-то пела и что-то шила.
В глазах — ожиданье, забота, тревога,
Тайная грусть и тихое счастье.

Июнь, покачиваясь в воздухе,
Овевал дремотой природу,
И карабкались все дальше и выше
В глушь тайги и в снега хребты.

Девушка почему-то застеснялась,
Меня заприметив,
Быстро спрятала то, что шила.
Знаете наших девушек!
Убрала пеленки и рубашонку,
Приданое будущего ребенка —
Смутилась парня.

Огромное зеленое лето
Разбило стоянку на Алтае,
Острия хребтов режут на части
Синее небо,
Дикие горы уходят в бесконечность.
Скоро взглянет на солнце
Своими бесчисленными глазами
Дикая смородина—до чего глазаستا!
Скоро нальется кислотою
Дикая кислица.
Темно-голубые шишки
Повиснут, как пчелы,
В лапах могучих кедров.

Моя земля свергла иго
Льда и снега,
Ее заласкали солнце и лето,
Она утопает в травах.
Она тяжело дышит,
Словно сытая корова.
Наверное, она замечталась
О плодах и злаках,
Которые зреют и скоро созреют
В просторах полей и теснине чащобы.

Пастушка ожидает ребенка,
Черные глаза лучатся.
В быстрых пальцах
Иголка пляшет с лучами солнца.

Пастушка—в объятьях зеленого леса
Под пологом синего неба.

... Мне кажется,
Когда я это заметил,
Я впервые заметил,
Что человек и земля схожи.
Оба — добрые.
Оба — щедрые.
Оба — красивые.
Я это понял и навсегда запомнил.
Мне кажется,
Когда я это заметил,
Я понял:
Человек преисполнен надежды,
И поэтому счастлив,
И поэтому
Он и есть разум земли.

ТЫ РОДИЛАСЬ В ГОРАХ

Сестре Кларе, уезжающей на учебу.

Ты родилась в горах, где родники
Рождаются кипящие, где росы
Ложатся на кремнистые откосы,
Где бродят в скалах светлые дымки.
Рассветный луч твоих касался щек,
Тебе тайга цветы свои дарила.
Теперь настал твой час, и ты в долину
Сбегаешь с гор, мой светлый ручеек...
Там новые отыщутся друзья,
Там будет город — шумный, непривычный...
Смотри, не растворишься в толпе столичной,
Не затеряйся, скромница моя!
«Во всем — как все!» — опасная игра!
Но и дикаркой маленькой, пугливой,
Любителям «экзотики» на диво,
Увидеть не хочу тебя, сестра.
Будь, милая, скромна. И будь горда.
Должно быть, мудрость истинная в этом:
Всех выслушав, сдружившись с целым светом,
Самим собой остаться навсегда!

Вечером не умирайте,
Люди, прошу я вас:
Детям будет страшно,
Будут плакать всю ночь.
Зимою не умирайте,
Люди, прошу я вас:
Мерзлую, твердую землю
Тяжко долбить, невмочь.
Утром не умирайте,
Люди, прошу я вас:
Как же так, вы уйдете,
А солнце взойдет без вас.
Утро — начало дела.
Утро — начало пути.
Как, не закончив работы,
Сможете вы уйти!
Не умирайте, люди, утром, пожалуйста!
И вообще,
Никогда,
Никогда не умирайте, люди!

УЛЫБКА

Маленькая поэма

Случается:

ты ошибся —

да так, что свету не рад.

Случается: ты ушибся —

и в этом сам виноват, --

о твердый угол эпохи

жестоко

локоть обжег...

И вот, работу закончив,

друзья собрались в кружок

Они тебя осуждают,

как ты осуждал других,

Они тебя обсуждают,

как ты обсуждал других,

Они на тебя взирают,

безгрешны, светлы, чисты,

Они похожи на солнце

в сиянии правоты,

Они безупречно правы —

ты с этим согласен сам,

Они похожи на солнце —

и больно смотреть глазам!

Подписаны протоколы.

Ушли по домам друзья.

И говор их оживленный

вдали, отзвенов, умолк.

Они бесконечно правы.

Они исполнили долг.

В добре и зле досконально

и честно разобрались

И всяческим частным, личным чувствам

не поддались...

Куда же теперь?

Скорее

домой, где печка тепла,

Туда, где четыре глаза,

четыре своих угла.

Ты в дверь стучишь — и за дверью

слышится тишина,

Безмолвная, на пороге

тебя встречает жена.

Чем этакое молчанье,

уж лучше была б гроза!

Молчат, будто слиплись, губы.

Жестоко молчат глаза.

Молчат, обескрылев, плечи.

Молчит и молчит жена,

Как будто воздвиглась в воздухе

Невидимая стена.

Куда же сердцу приткнуться?

Где обрести причал?

И вдруг в колыбельке
 лепет
 ребяческий зазвучал.
Проснулся твой сын!
 Улыбкой
 во всю ширину лица
Встречает он,
 несмышлениш,
 тебя, своего отца.
Он тянется из пеленок,
 словно цветок из трав,
К тебе —
 и знать не желает,
 виновен ты или прав,
Спокоен или взволнован,
 силен или сломлен ты...
Он рвется к тебе,
 он полон
 доверья и теплоты!
... И голову над кроватью
 усталую преклоня,
Я чувствую наконец-то,
 что жизнь прощает меня,
Что можно начать сначала,
 новую взяв тетрадь,
Раздумывать, ошибаться,
 искать, находить, терять—
И вновь приходить к истоку!
 Спасибо тебе, сынок!

Ты вряд ли понять сумеешь,
как здорово мне помог.
Ты чмокаешь, засыпая,
беззубым и нежным ртом...
Сегодня не понимаешь —
неважно, поймешь потом!

ЧЕРНЫЙ ЩЕНОК, СТАРИК АТРАШ И Я

[Маленькая поэма]

I.

У меня был маленький черный щенок.
И сам я тогда

был совсем щенком,
когда мой щенок умер в горах
на далеком стойбище.

Стонал, как ребенок,
дергался.

Закрыв глаза

и не открыл.

Конечно, вы знаете, что пастух
ставит юрту в гористой тайге,
в такой таинственной глуши,
что люди редко заходят к нему.
Сын пастуха так одинок!

Не с кем ему

поиграть.

Не с кем ему

поговорить.

Вот почему черный щенок
был единственным другом моим.

В ту пору случилось затмение луны:
шайтан утащил куда-то луну.

Деревья были ошеломлены,
шепот гор заклинал тишину.

Старый Атраш внезапно вскочил,
зашептал, забормотал:

— Ложками, чашками надо греметь!

А главное, надо, чтоб лаял пес!

Потом он руки к небу воздел.

— О, великий наш бог, Юльген! — сказал,
в ноги поклонился огню

и замер в молчаньи.

Потом Атраш схватил плеть

и начал хлестать щенка.

Черной змеей жалила плеть
черные бока.

Черной молнией била плеть
в черные бока.

Плеть визжит.

Щенок визжит.

Луна из темноты не бежит.

Стонала плеть.

Стонал щенок,

но вызвать луну из туч не мог.

Далеко вопли щенка слышны —

над черной тайгой

нет белой луны.

Я плачу, хочу отбить щенка

у старика,

но тот пинает и топчет щенка,
избивает его, пока
щенок устал визжать
и — перестал визжать.
Кровь из ушей у него пошла,
и стало щенку невмочь...
Я так и не припомню, взошла ли
луна в ту черную ночь.

Когда я проснулся, блистала роса,
солнце озаряло леса,
птицы пробовали голоса,
лист на ветру дрожал.
Только мой черный друг щенок
не подбежал ко мне,
не смог —
холодный, в крови,
лежал.

Таежная ель хвою свою
сыпала на него,
а он не лаял ничего
и не стонал ничего.
Я обнял черного щенка
и зарыдал над ним.
Я громко проклинал старика,
грозил: — Вот стану большим
и отомщу за своего друга!
Старик понуро вскочил в седло,
и словно ветром его унесло.

А я еще долго лежал ничком
и плакал над черным щенком.

II.

Прошли года.
Сквозь их пургу
пронес я печаль мою.
Но вот я на кладбищенском лугу
с земляками стою.
Очень тихо.
Очень холодно.
Очень грустно.
— Атраш большой охотник был, —
шепчутся земляки,
и все вспоминают ум и пыл
и меткость его руки.
А я вспоминаю мясной чад:
косулю с охоты принес Атраш
и отдал в нашу семью.
Только далекие горы молчат,
думают думу свою:
— Человек умер!
Вот что они думают.
Заступ звякает о гранит,
Земля,
 ударяясь о гроб,
 гремит.
Нету звуков иных на земле.

Тихо в маленьком нашем селе:
— Человек умер!

Атраш по звериным следам не пойдет,
и перевалов не перейдет,
и пропастей не обойдет.

Больше он к пастухам не зайдет
выпить алтайской бражки.

Будет земля себя вращать,
будет луна ее освещать,
матери будут детей качать,
и много, много раз луна
будет затмением затемнена,
а старик Атраш

никогда больше
не испугается затмения.

Если дальше вдаль загляну —
внук его сможет слетать на луну,
но не узнает об этом Атраш,
и не обрадуется Атраш,
потому что у мертвых не бывает радости.
Если бы он был жив и здоров,
я бы на кладбище не пошел,
я бы в гости к нему пошел,
я бы сел с Атрашем за стол
и никогда ни за что
не припомнил бы старику
черную ночь
и черного щенка.

КОНОВЯЗИ

Поэма

В час, когда над миром золотая
Плавает луна, и люди спят,
Слышу я: в урочищах Алтая
Конюязи старые скрипят.*
Может быть, скрипят, а может — плачут,
Снявшись с мест, бредут по склонам гор,
Мертвые — как призраки, маячат,
С ветром затевают разговор.
Что ж они выпрашивают, ищут?
Ждут ли, чтобы вновь из прошлых дней
Долетел к ним близкий дым жилища,
Теплое дыхание коней?..

Где ж те кони — резвы, ясноглазы?
Вдаль какие тропы увели
Тех джигитов, чей аркан ни разу
Не касался трав сырой земли?
Жизнь ушла, отхлынула куда-то...
Вот — следы аила у реки.

* Алтайская конюязь представляет собой столб с зарубками.

Не сюда ли наезжали сваты
С полным ташауром араки?
Мать с отцом встречали их сурово,
Гордое достоинство храня,
Лишь потом теплел, за словом слово,
Разговор за чаркой, у огня...
В час, когда над миром золотая
Плავает луна и люди спят,
В голубых урочищах Алтая
Коновязи плачут и грустят
О былом, ушедшем безвозвратно,
Где при деле были и они...
Им, недвижимым, просто непонятны
Новые, стремительные дни.
Век, тебе служу неутомимо,
Все твои заветы берегу,
Но — прости! —
пройти спокойно мимо
Коновязей старых — не могу.
Их стенанье, лепет, бормотанье
Ощущаю всякий раз в ушах —
И теряюсь, и робею втайне,
И невольно убыстряю шаг.
Время, все же, знаете, ночное,
Сказки детства в памяти встают.
Коновязи старые за мною
Тянутся... бормочут... отстают...
А порой — прихлынет к сердцу жалость
К ним, печальным, дрогнувшим от рос...

— Что в тебе от прадедов осталось? —
Кажется, я слышу их вопрос.
— Мчась в машинах, в облаках летая,
Постигая жизни существо,
Сын ли ты прекрасного Алтая,
Или только века своего?..
Вы — послы былого в нашем веке,
Веке межпланетных кораблей,
Коновязи, коновязи — вехи
Неотступной памяти моей!..

Глава первая

Коновязь в урочище Атапар

1.

В долине тихой, далеко-далеко
От современных шумов и огней,
Она, как перст, чернеет одиноко,
И шесть зарубок видятся на ней.
Стара — должно быть, видела немало,
Как идол, возвышается, мрачна.
Меня давно, признаться, занимало,
Когда и кем поставлена она.
Но люди ничего не отвечали,
Когда я их расспрашивал. Они
Лишь головами холодно качали:
— Не слышали... Не помним... Извини...

Но как-то раз, махорочного дыма
Пустив из трубки несколько колец,
Один старик сказал мне наконец:
— То коновязь кровавого Карыма!
Он сеял в мире слезы и беду,
Худую память по себе оставил...—
Умолк старик. А после вдруг прибавил:
— Ты знаешь ведь Карымова Саду?
... Саду Карымов! Многое сказало
Мне это имя: сверстники, годки,
Давным-давно на склонах Атапзара
Мы на кротов с ним ставили силки.
Парнишка бойкий, сын поры военной,
Как я, в пальтишко драное одет,
Не знал Саду, мой спутник неизменный,
Что коновязь — его поставил дед.
Он был веселым, смелым и кудрявым
В суровом том и памятном году,
И то, что звался дед его «кровавым»,
Едва ли знал приятель мой, Саду...

2.

«Кровавый Карым был дурным человеком,—
Старик говорил мне.— Не месяц, не год
Молва растекалась, как пена по рекам,
О том, как терзает он бедный народ.
А коновязь эту мы знали особо,
Пугала она не одних сосунков:
Здесь, к ней привязавши,

весь черный от злобы,
Кровавый Карым избивал батраков.
В то время я был чабаном у Карыма,
И как-то мертвяк родился у овцы...
На теле моем и теперь еще зримы,
Как память о случае этом, — рубцы.
А раньше—отец мой здесь умер под
плетью,
И мать до утра голосила над ним...
Так правил долиной в года лихолетья
Жестокий хозяин — кровавый Карым...
Богат был Карым: словно белые птицы,
По склонам белели отары его.
Но лютая жадность, не зная границы,
Случалось, вела его на воровство.
С ним старшие дети бесчестье делили.
А надо еще тебе знать, что тогда ж
В соседней, озерами славной долине
Жил бай-богачей по прозванью Кокпаш.
В его табуне, меж другими блистая,
Порывист, летуч, как ружейный свинец,
Известный всему голубому Алтаю,
Игрёвовой масти гулял бегунец.
И ночью безлунной, однажды наставшей,
Из тех, когда в небе, меж туч — ни огня,
И в темных горах верховой припоздавший
Не видит ушей своего же коня,
И в мире — ни шороха, в мире — ни звука,
Одно бормотанье речных бурунов, —

Собрал как обычно под властную руку
Кровавый Карым своих старших сынов.
Они собрались на опасное дело!
Но только обратно, взамен бегунца,
Вьюком привезли бездыханное тело,
Сраженного пулей злодея отца.
Недаром в горах говорили в ту пору:
«Кокпашева пуля точнее, чем глаз!
Позарился вор на поживу у вора —
Да вот и нарвался на выстрел как раз!»
Сдвигал собеседник мой сивые брови:
«К чему, — говорил он, — рассказ я веду?
Карымов Саду — он карымовой крови,
Но разве похож на Карыма Саду?»

3.

А вечер я провел под кровом дома,
Под шелест яблонь за окном, в саду,
В гостях у коммуниста, агронома —
Товарища Карымова Саду.
Мы вспоминали детство — и смеялись
С незабытой детской простотой
Над тем, как мы отчаянно боялись
Уединенной коновязи той.
Мы вспоминали тьму преданий местных,
И холодок струился по плечам.
Нам говорили: черти гор окрестных
Там жгут огонь и пляшут по ночам!

«Мы приходили с плетью на рассвете
И коновязь хлестали час подряд:
«Боятся черти только конской плети», —
Так, мы слышали, люди говорят.
И настав, казалось, их до смерти,
Кругом бродили храбро допоздна.
Простите, черти, мы не знали, черти,
Что коновязь — не тем была страшна!
На запад вал войны катился,
Уже к Варшаве подходил.
Саду сиял, Саду гордился:
— Отец мой — храбрый командир!
Смотри, опять прислал нам сахар!
Военный сахар! Из пайка... —
И я, слюну глотая, ахал
При виде белого куска.

Спешило время, дни листья...
Жил ожиданьем дом Саду
И фотокарточка простая
Всегда лежала на виду.
Я и сейчас глаза прикрою —
И человек глядит на нас.
Таким, в мечтах моих, героя
Я представлял себе не раз.
Всему, что близко и любимо,
Он улыбается с крыльца —
Последний, младший сын Карыма,
В лицо не помнивший отца.

Его глаза темны, как уголь,
Блестят задорно из-под век...
Былых веков слепую удаль
На верный путь направил Век!
А мой — не дрался в обороне,
Не бил в атаке по врагу,
А мой — давным-давно схоронен
На мирном кладбище в логу.
Над мирным кладбищем, над логом
Гуляют ветры и дожди.
Отец — в таком краю далеко,
Откуда сахару — не жди.
Почтарь с гостинцами в пакете
Не переступит наш порог...
И мне казалось, что на свете
Я бесконечно одинок.
А вдруг Саду — умел он, что ли,
Как взрослый, в душу заглянуть? —
Спешил кулек мне протянуть:
— Бери свою, товарищ, долю
И про сестренку не забудь!..
Но как-то, помнится, с кротовей
Охоты — мы в поселок шли
И плач слышали вдали,
И догадались: это — вдовий.
В ту пору — вовсе не из книг
Душевный опыт мы имели
И сразу отличить умели
От прочих — первый вдовий крик.

Бегом — домой! А там в печали
Среди двора, полукольцом,
Стояли все односельчане,
И мать Саду, с таким лицом,
Как будто не лицо, а камень,
Шептала что-то, как в бреду...
И не делился больше с нами
«Военным сахаром» Саду.

4.

Саду Карымов! Наступает утро.
Мне хорошо в твоём уютном доме,
Но вдаль опять зовет меня дорога.
Пусть теперь читатель наш рассудит:
Карыма внук ты — или сын эпохи?
А малыши твои, которым рано
Еще вставать, — кто: правнуки Карыма?
Нет! Мне они роднее, чем ему!

Глава вторая

Коновязь в урочище Кырышкан

1.

Тип-тип-тип — телетайп стучит,
Смотрят окна в синюю тьму.
Рядом древний старик молчит —
Интересно слушать ему.

Я сегодня дома, в тепле,
Но, как пчелы в улей, сюда
Тащат вести о всей земле
Волны радио, провода.
До чего ж этот мир велик!
До чего же серьезен он!
Головой качает старик —
Он — в который раз! — поражен:
«Я, алтаец, алтай-кижи,
Мог ли прежде мечтать о том,
Что однажды в ночной тиши
Целый мир я впущу в свой дом?»
Телетайп затих. В тишине —
Только чуточку помолчи —
Снова, снова слышится мне:
Плачут коновязи в ночи.
«В Кырышкане коновязь есть, —
Говорит седой старина. —
Про бесчестие и про честь
Рассказать могла бы она.
Знаешь, кто поставил ее,
Чьи зарубки на ней видны?
Так запомни слово мое:
В дни гражданской давней войны
Партизаном был боевым
Человек, чье имя — Кылыш.
Ты ведь помнишь его живым,
Ты ведь помнишь, хоть был малыш?

Да и впрямь — как не знать,
как не помнить Кылыша!
Ветеран партизанский, в снегу седины,
В наш сиротский аил, под замшелую крышу
Приходил он однажды в начале войны.
Помню, мяса принес—подстрелил, мол, косую.
Говорил: все друг другу должны помогать!
И глаза его вдруг как-то влажно блеснули —
Лишь на миг...
А потом потускнели опять.
Он сидел у огня, гнул сутулую спину
(Был очаг разгоревшийся ярко и рыж)
И твердил: — Что-то писем все нету от сына,
Очень занят, наверно, на фронте Байрыш!
И звучал его голос все тише и тише,
И сидел он, и слушал, как пламя шипит,
И зачем-то просил: — Верьте сыну Кылыша,
Сын мой вырос в седле, сын мой —
храбрый джигит! —
И опять проходили в молчанье минуты,
И седой партизан был на камень похож.
— Это ложь! — возражал он внезапно кому-то,
Отхлебнув араки. — Это гнусная ложь! —
И звучал его голос все тише и тише,
Как по крыше — редющий цокот дождя.
— Верьте сыну Кылыша и слову Кылыша! —
Много раз повторил нам старик, уходя.

А слухи шуршали, как мыши,
Тревожили сельскую тишь:

— Милиция ищет Байрыша,
Бежал с поля боя Байрыш...

Мне памятни те разговоры

И лица моих земляков.

Мне памятни

возле конторы

Крестьянские сани.

С боков

Конвойные ружья сжимали,

Суровы, как высшая власть.

— Байрыша, Байрыша поймали! —

По улице новость неслась.

К саням — люди так и теснятся! —

Пробился и я, наконец.

Хотелось мне видеть, признаться:

Каким он бывает, беглец.

Весь черен, как будто от пыли,

Среди снеговой белизны

Сидел он — и волосы были,

Как волосы женщин, длинные.

А солнце всходило все выше,

Искрился под солнцем снежок.

— Ну, как — верим сыну Кылыша? —

Раздался жестокий смешок...

Подошла, заплавав, старуха Янчи:
 — Что, Байрыш, молчишь? Ну, молчи, молчи!
 Что сказать сегодня ты мог бы мне,
 У которой сын погиб на войне? —
 Так промолвив, стерла слезы с лица
 И — плюнула в лицо беглеца.
 Вместе с ним на фронт уходивший Бурза:
 — Посмотри, — сказал, — мне, Байрыш, в глаза!
 Нас обоих видят вновь земляки,
 Только я пришел без правой руки.
 Что ж теперь, Байрыш? Что молчишь, Байрыш?
 Что ж в глаза мои не глядишь, Байрыш?
 И кругом воцарилась жуткая тишь,
 Когда к сыну хмуро шагнул Кылыш.
 Никогда он старым таким не бывал!
 — Хорошо ли, сын мой, повоевал?
 Ты — не сын, ты стыд мой! — сказал, поник
 И заплакал — у всех на глазах — старик.
 И к саням придвинулась вслед за ним
 Молодая в ту пору вдова Бачим:
 — Посмотри, бесстыжий, и на меня!
 Дома плачет голодная ребятня!
 Почему не пришлось тебе, лиходею,
 Подавиться мясом коровы моей?..
 Знает мир, что мудр мой горный народ,
 Далеко умеет глядеть вперед,
 Но и самый мудрый из наших людей

Предсказать бы не смог, что в один из дней
Будут сына Кылыша все проклинять,
Недобром дела его поминать:
Как от солнца в пещере лесной Байрыш
Хоронился, будто летучая мышь,
Как тайком бродил по тропам ночным,
Как зарезал корову бедной Бачим,
Как в своей пещере, от страха слеп,
Зарывал колхозный краденый хлеб!
Этот хлеб, когда наступила весна,
Протравив, пустили на семена,
Только это уже разговор иной...
Вновь тот день незабытый передо мной.
Новый слух прополз в предвечерней мгле:
Старика Кылыша нашли в петле!..

5.

Мы все в свой час уходим. И несут
Наш факел жизни дальше наши дети.
Ты сам, Кылыш, судил —
жесток твой суд! —
Какой за сына мерой ты в ответе.
Как эта жизнь бывает непроста —
Не выпрямишь, начетчикам в угоду!
Ты мертв, Кылыш, — но кровь твоя чиста,
Которую ты пролил за свободу.
Есть кровь, семья, народ. Есть Время, Век.
Мы вместе все, и эта связь крепчает.

Но кто сказал, что каждый человек
Сам за себя ни в чем не отвечает?
Трус предает себя же самого,
Предав других. И в час его последний
Чужими отвернутся от него
И Время, и народ тысячелетний...

И вновь стрекочет телетайпный зал
В приемнике, и под шуршанье ленты
Нам диктор популярно рассказал,
Чего, бастуя, требуют студенты
Во Франции,

чем Рим живет,

а мне

Мерещится, что явственно я слышу:
Вдали отсюда, в снежной тишине
Грустит и плачет коновязь Кылыша.

Глава третья

Коновязь в урочище Каргысту

1.

Там, где скаты гор поголубели,
Где подобны башням шапки елок,
Он лежит, как будто в колыбели,
Мой далекий, маленький поселок.
Утром солнце поздно достигает
Наших мест: хребты в молчанье диком

Застят путь...

И солнцу помогают
Петухи своим усердным криком.
О, поселок мой в краю пастушьем!
Чем богат он? Каждому отвечу:
Более всего —
людским радушьем,
Красным словом, родниковой речью.
Как занятно сызнова взглядеться
В мир, знакомый мне не понаслышке!
— Чей ты, босоногий! Кто отец твой? —
Выспросить у встречного мальчишки.
Загрустить светло и беспричинно,
Погрузившись в собственные думы...
Носят здесь и шубы из овчины,
Носят и московские костюмы.
Мчится время над родной долиной,
И, бывает, на лесной тропинке
С башмаками выделки старинной
Встретятся парижские ботинки...

2.

Я приехал в край мой летом, в полдень золотой
Лес был зелен, солнце было круглым и большим.
Слышу голос, звонкий голос: —
Все — на той, все на той!
Все друзья —
на свадьбу сына тетушки Бачим!

У Бачим сегодня праздник! Нынче сын привел
В дом невестку!

— А который?

— Средний сын, Орой!

И невольно я ладонью по лицу провел:
День давнишний, незабываемый вновь передо мной.

(Потрясенные, мы стоим и молчим,
И в лицо Байрышу кричит Бачим:

«Посмотри, бесстыжий, и на меня!
Дома плачет голодная ребятня.

Почему не пришлось тебе, лиходей,
Подавиться мясом коровы моей?)

Кто Байрыша вспомнил ныне? Может, я один.

А Бачим — людьми любима, радости полна.

Пусть в косе ее блистает серебро седины —

Веселится, свадьбу сына празднует она.

— Где, Бачим, твой старший, летчик? —

Вот он, старший мой:

Прямо с Дальнего Востока прибыл нынче в ночь!

— Дочка где? — Из Барнаула, в горы, в дом родной

Только что на свадьбу к брату прилетела дочь!

Мы приветствуем на свадьбе всех детей Бачим,

Новобрачным пожеланья весело кричим.

Пар от конского дыханья — на дворе Бачим,

И машина легковая — у ворот Бачим.

Всех встречает-угощает, весела Бачим.

С плеч сегодня все печали сбросьте — у Бачим!

Шутники и остроловы — вокруг стола Бачим,

Исполнители сказаний — гости у Бачим.

Им сегодня о печальном петь никак нельзя!
Песня радости и счастья рвется на простор:
«Как не встретиться, покуда живы мы, друзья?
Как не встретиться, ведь мы же —
не вершины гор»!

До утра сегодня, видно, мы не замолчим,
Станут песни друг за другом литься, как одна.
И светла, как месяц ясный, тетушка Бачим,
Ясным солнышком сияет юная жена.
И звучит алтайская свадебная:
«Твой аил, чья дверь, как луна,
Шелка золотом — да украсится.
Молодая твоя жена
Золотым умом — да прославится!..»

3.

А старухи, между тем, усевшись вкруг,
Вспоминают годы прошлые подряд.
— До твоей счастливой свадьбы, милый внук,
Мы дожить мечтали разве? — говорят.
Нелегко нам жизнь хорошая далась,
Но печалью праздник ваш не омрачим...
— Веселимся — значит, живы, — всем, смеясь,
Отвечает захмелевшая Бачим.
Вкруг нее шумит-поет веселый той.
И, отпив глоток, как правило велит,
Кто-то чарку подает ей — чоочой:
— Вдвое слаще то, что делишь, — говорит.

4.

Веселитесь, тетушка Бачим,
 Забывайте горести бывшие —
 Мы за вас про них не позабудем:
 Как весной ходили вы за плугом,
 Как дрова колоть вы нанимались,
 Как, бывало, вы копали в согре
 Когозин — съедобный дикий корень...
 Низко-низко кланялись земле вы,
 Чтобы дети — полететь могли!

5.

Длится той, далек его конец,
 И чуть-чуть кружится голова.
 — Посмотрел бы на детей отец! —
 Чьи-то в шуме слышатся слова.
 ...Муж Бачим, по имени Кочкор,
 Пас коней на склонах Каргысту.
 Был своим он у окрестных гор,
 Покорял любую высоту.
 И коней бесстрашно объезжал,
 Плетью по-пустому не гоня:
 Словно человека, уважал,
 Понимал хорошего коня.
 Самых диких, бешеных коней,
 Что земли не тронут на лету,
 Он, Кочкор, привязывал к своим
 Коновязи — там, на Каргысту!

Ездил он по кромкам облаков,
Прикасался к вольной синеве.
Но у самых дерзких смельчаков
Смерть, как говорится, в рукаве.
Он, Кочкор, коней не обижал:
Плетью по-пустому не гоня,
Самых непокорных объезжал,
А погиб — от смирного коня.
Было так: в горах, у ручейка
Выпорхнула птица из-под ног,
Прянул конь — и, сбросив седока,
За собой по склону поволок.
Обезумев, с гор пустился вниз,
Встал, дрожа, где коновязь ждала...
Дочь Кочкора, крошка Карагыс
В колыбельке в этот миг спала.

6.

Память ушедшим, живое — живи,
Радость — умножься, а горести — прочь!
Песня особая, песня любви
Будет звенеть в эту лунную ночь:
«Дымкой окутанный, дивный Алтай,
Лис твоих шубы на шубу нам дай!
В аиле, где светит луна в дымоход,
Невестке родня две косы заплетет.
Светлыми реками славный Алтай,
Мягкую выдру на шапку нам дай!

В аиле, где жарок очаг допозднѣ,
Нам сварит еду молодая жена».

7.

Ах, когда бы впрямь был жив Кочкор,
Он с детьми завел бы разговор.
Он Ороя, сына бы спросил:
— Много ль трав ты нынче накосил?
Объясни-ка, сын — отец поймет:
Что за штука это — стогомет?
Он сказал бы старшему:
— Эндреш,
Коли ты и летчик, и майор —
Ну-ка, руку меткую потешь,
Постреляй-ка в цель со мной на спор,
Чей прицел вернее? По рукам,
Как и полагается стрелкам!
Он соседу бы сказал:
— Дивись,
Нынче уж не глянешь сверху вниз
На мою дочурку Карагыс...
Скоро скажем: доктор Карагыс!
Радостно на сердце у меня:
Будет знать детей моих Алтай!
Но... коли боится кто коня,
Тот себя алтайцем не считай!

И звучит песня пожилых женщин:
 «Ко да был жеребенком гнедой,
 Он с большой повстречался рекой.
 А когда я была молодой,
 Погубила война мой покой!..»
 Этой песне отвечает другая:
 «Вечер прошел, не вернуть его, нет,
 Скоро наступит желанный рассвет!».
 Знать, не зря, ты песня, родилась
 И сегодня вспомнилась не зря:
 Вот уже и вправду занялась
 Тан Чолмон — багряная заря.
 Травы будут пламенеть от рос,
 Будет розовым туман сырой.
 Тихим утром выйдет на покос
 Со своей избранницей Орой.
 Два счастливых молодых лица
 Ветерок овеет в тишине.
 — Видишь, это коновязь отца, —
 Скажет муж красавице-жене...

Заключение

Когда я эту складывал поэму,
 Я слал перу проклятья и бумаге
 И к ним же возносил свои молитвы,
 Прося мне — по возможности — помочь.

Я был в гостях у прошлого, в аиле
У человека, славшего молитвы
Горам и грому. Слышал, как невестка
Запрет старинный свято соблюдала:
Случайных тезок свекра и свекрови
По именам отнюдь не называть.
Я слышал, как шагали предки мимо,
Как травами сухими шелестели,
Как двери юрт со скрипом открывали,
Вели коней, уздечками звеня,
Часов не зная, измеряли время
Числом примерным выкуренных трубок,
А про меня, про век мой сильный, трудный
Они совсем не знали ничего!..
Мне снилось: я в бедняцкой одежонке
Стою, унижен, пред зайсанской плетью.
Мне было стыдно видеть, как мой предок
За маленькое зеркальце одно
Готов отдать был несколько быков
Прижимистому сытому торговцу!..
Да, я — алтаец! Но — другой эпохи:
Я приходил под своды Мавзолея
И с Лениным великим говорил,
Я провожал в последний путь Хикмета...
Но, колеса по Горному Алтаю,
Я слышу голос коновязей старых:
— Куда исчезло Прошлое?..
Я воду пью из тех же родников,
К которым прежде предки припадали,

Я солью соль зову и хлебом — хлеб,
«Весна пришла!» — я радуюсь, как предки,
«Настала осень!» — я грущу, как предки.
Но предки смелые мои не знали
Того, что знаю я: что будет можно
За время перекура и за время,
Пока вскипает чайник на костре,
Живую жизнь стереть с лица планеты!
Все это — мне понять и побороть.
... Мое лицо и глаз моих разрез —
Такие ж, как у предков. Я — алтаец.
Что ж значит «быть собою» для меня?
Быть сыном гор моих — и сыном века:
Когда я сыном Времени не буду —
Моим горам тем самым изменю,
Когда ж забуду вас, родные горы, —
Тогда и веку стану я чужим.
Об этом я писал. Об этом. — думал.

СОДЕРЖАНИЕ

О себе	3
Моя родина. Перевод Б. Слуцкого	7
Рожденные весной. Перевод И. Фонякова	12
Дорога и мечта. Перевод И. Фонякова	14
Сани. Перевод Б. Слуцкого	17
Слепой поэт. Перевод И. Фонякова	18
Слезы. Перевод И. Фонякова	20
Волочаевским партизанам. Перевод И. Фонякова	22
Я жду улетевшего белого лебедя. Перевод Б. Слуцкого	25
«Когда со мной ты был, мой друг...» Перевод И. Фонякова	29
Свети! Перевод Б. Слуцкого	30
Осенью. Перевод Б. Слуцкого	33
Гроза над далекой стоянкой. Перевод Б. Слуцкого	35
У колыбели сына. Перевод И. Фонякова	39
«Годы долгие дома родимого я не видал...» Перевод Б. Слуцкого	42
Мычит белая корова. Перевод Б. Слуцкого	44
Женщина ждет ребенка. Перевод Б. Слуцкого	47
Ты родилась в горах. Перевод И. Фонякова	50
«Вечером не умирайте...» Перевод Б. Слуцкого	51

Улыбка. Маленькая поэма. Перевод И. Фонакова	52
Чёрный щенок. старик Атраш и я. Маленькая поэма. Перевод Б. Слуцкого	57
Коновязи. Поэма. Перевод И. Фонакова	63

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ*

Страница, строка	Напечатано	Следует читать
Стр. 5, строка 10 сверху	емт	ему
Стр. 19, строка 12 сверху	разговор!	разговоров!
Стр. 19, строка 14 сверху	Захотела	Захотели
Стр. 23, строка 17 сверху	предложение	продолжение
Стр. 45, строка 1 сверху	вливала	изливала

*Б. Укачин. Рожденные весной.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

1900-1901	1901-1902	1902-1903
1900-1901	1901-1902	1902-1903
1900-1901	1901-1902	1902-1903
1900-1901	1901-1902	1902-1903
1900-1901	1901-1902	1902-1903
1900-1901	1901-1902	1902-1903
1900-1901	1901-1902	1902-1903
1900-1901	1901-1902	1902-1903

Цена 29 коп.

